

И 4080

СП6Гу

СПбГУ

№ 183.

Я нижеподписавшійся даю сію подписку
въ томъ, что Книга подъ заглавіемъ: *Самое*
и себѣ прощанье —

напечатана при Морской Типографіи схо-
дно съ одобреннымъ Цензурою подлинникомъ.

Велюринъ 24 дня 1829 года.

Директоръ Морской Типографіи

Александръ Базаръ

СІБІРЬ

СЛБГУ

1-я сс. 59-7
Росиния
1952 г.
10-10

1786.
ЕІ 4080

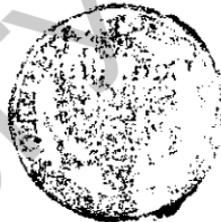
БАЛЛАДЫ

ИВ

И

РОМАНЫ

И. Покровскаго.

5522

Первая
1824

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1824 года.

11871

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Санктшпешербургъ, 10 Декабря 1823 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Б а л л а д ы:

- I. Катя (Изъ Бюргера).
- II. Водолазъ (Изъ Шиллера).

Р о м а н с ы:

- III. Моя красавица (Изъ Бюргера).
 - IV. Вздохъ.
 - V. Къ Соловью.
-

СП6Гу

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

Изъ помѣщенныхъ въ сихъ лиспкахъ піесь, *Катя*, *Моя красавица* и *Къ Соловью* появляются въ первый разъ, а *Водолазъ* и *Вздохъ* были прежде уже напечатаны, первая въ *Журналъ: Сынъ Отечества* (1820, No XXI), но обезображенною отъ неосмотрительности переписчика, и потомъ въ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ*; послѣдняя же въ *Благонамѣренномъ*. Здѣсь предлагается *Водолазъ* въ настоящемъ видѣ, и сверхъ того многіе стихи онаго совершенно переделаны.

СПбГУ

БАЛЛАДЫ и РОМАНСЫ.

К а т а л о г .

Ошь тяжкихъ пробудилась свошь
Съ зарёю Капя въ воскресенье:
„Невѣренъ другъ, иль пролилъ кровь?
Жду, не дождуся! Въ ополченье
Пошелъ противъ Французовъ ошь
Спасашъ ошечество, законъ;
Ни спрочки съ той поры невѣснъ,
Въ какомъ жесткой мѣснъ.“

Но вопль низринуть соноснашъ
Благословешаго рукою;
Идушь домой ошець и брашь,
Супруги, сыловья полною,
И всѣ увѣшены въ крестахъ,
И радоснъ въ сердць и глазахъ,
И съ музыкой въ рядахъ веселыхъ
Спремяшся вои смѣлыхъ.

На встрѣчу рашникамъ спѣшашъ
Ошвсюду спарые и малой;
Здѣсь браша обнимаешъ брашь;
Тамъ старецъ, по ланишъ впалой

Струя слезу, диня прижалъ;
А шамъ жену супругъ лобзаль;
Всѣ дождались гостей; но нѣту.
Кашюшѣ гостя, нѣту!

Она о другъ дорогомъ
У всѣхъ, у всѣхъ переспросила;
Но вѣсти Катѣ нѣтъ объ немъ,
Какъ будто унесла могила.
Когдажъ прошелъ послѣдній полкъ,
Терзая чѣрныхъ кудрей шёлкъ,
Кашюша на полъ повалилась,
Какъ пшичка въ сѣни, билась.

И къ Катѣ мать бѣжитъ съ поской,
И громко *Отче нашъ* читаетъ:
„Перекрестися! Что съ тобой?“
И къ груди крѣико прижимаетъ.
— Что разъ прошло, ужь не придетъ!
Теперь весь мѣръ пусть пропадетъ!
Нѣтъ въ Богѣ жалости ниско!
Пронала я, пронала! —

„Помилуй Боже! прочитай
Молишву, дитяшко, скорѣ!
На Господа не вставай!
Нѣтъ намъ отца его пѣжиѣ!“
— Напрасна вся мольба моя!
Богъ непомилувалъ меня!
Господь, земля — все опсшуилось!
А я ли не молилась! —

„О дитяшко! Господь въ бѣдахъ
Помилуетъ свое шворенье.
Пади передъ иконой въ прахъ,
И низольеся ушьенье!“
— Нѣтъ! спрашный огонь мнѣ сердце жжеть,
Ничто пожара не зальешь;
Закрышаго сырой землёю
Не воскресишь мольбою.—

„А если полюбилъ злодѣй,
Женихъ швой, спорону чужую,
И, вѣры опшсупивъ своей,
На ложе принялъ ужь другую?
Забудь! — Придесть конецъ всему
И ошольеся по ему!
Палишь злодѣя кляшва спанень,
Какъ часъ кончины гриметь.“

— Ушла волна, ей не пришесть!
Пропало что, не возвратишься:
Скорѣй, скорѣй бы въ землю лечь!
Ахъ! лучше бы мнѣ не родиться!
Скорѣй душа изъ шѣла вонь!
Скорѣй заснушь на вѣчный сонъ!
Нѣтъ въ Богъ жалости ни мало!
Пропала я, пропала! —

„Молишву, Господи, вземли
И въ судъ не вниди съ чадомъ грѣшнымъ!
Не знаешь, что уста рѣкли;
Ей не судьей, опцемъ будь нѣжнымъ!

Дышя! земную спрася забудь,
Всели о Богъ мысли въ грудь!
Есть рай, смиренныхъ душъ награда,
Для буйныхъ муки ада.“

— Родимая, что свѣшлый рай?
Что огонь вовѣкъ неугасимый?
Съ нимъ, съ милымъ всюду свѣшлый рай,
Безъ друга огонь неугасимый!
Скорый дуна изъ шѣла вонь!
Скорый заснушь на вѣчный сонь!
И здѣсь и тамъ я жершва мукъ,
Когда съ драгимъ въ разлукъ.—

Такъ страшного она тоской
Рвалась въ безумномъ испуленьи,
На промысль вошла благой,
Кляла свяшынню въ осавленьи;
Кусала руки, била въ грудь,
Пока свершило солнце пушь.
Надъ міромъ тьмы покровъ развися
И мѣсяць заскѣнился.

И чу! какъ конскихъ гулъ конишь,
Но мосту что-то опадѣнся,
И чу! сѣдокъ съ воя свѣшнись
Къ крыльцу, по лѣстницѣ несѣнся.
Украдкой въ дверь рука спущишь,
Запоръ звенишь, запоръ бренишь,
И въ ухо шихій гласъ привѣшной
Влепашеть непримѣнно:

„Кашюша, свѣшникъ! опперешъ
Бѣги, или спишь подруга?
Смѣешьсяя, плачешь ли, опшвѣшь?
Или забыла друга?“
— Усладь, шиль въ ночь, душа моя? —
Ахъ! напершѣлась горя я!
Ручей не сохнулъ слезной!
Откуда ты, любезной? —

„Мы ѣдимъ шолько по ночамъ.
Я издалека за шобою.
Не запозданъ бы, Капя, намъ,
Хочу тебя я взятьъ съ собою.“
— Ахъ! слышишь, въ полѣ вѣтра свистъ!
Прозябнулъ ты, дрожишь, какъ лисъ,
Войди скорѣй. тебя своею
Я грудью оппогрѣю! —

„Пусть вѣтеръ на полѣ реветъ,
Пусть тучи на небѣ шолняшя!
Копышомъ землю конь скребѣшь
Я не могу здѣсь опшаваться.
Иди, одѣнься, ангелъ мой,
Садися на коня за мной!
Шно верстъ еще къ одру до мѣста!
Ахъ! опспѣши, невѣшпа!

— Шно верстъ до брачнаго одра
Сегодня ѣхашъ хочешь, милой?
Нѣшь, нѣшь, шакая ли пора?
Чу! ужъ одинадцашъ пробило. —

„Взгляни сюда, туда! свѣшло!
Луной, какъ днёмъ, всё разсвѣло!
Еще сего дня я къ покою
Домчу шебя спрѣлою.“

— Скажи, гдѣ домъ швой, гдѣ посшлалъ
Ты одръ для брачныхъ наслажденій. —
„Далеко домъ! — Тихъ, хладенъ, малъ!
Шести досокъ уединенье,
Но насъ съ шобою помѣспитъ.
Спѣши, копытомъ конь спучитъ!
Намъ оппертъ домъ, бѣги, садися!
Ужъ госпи собралися!“

Одѣлась Капя; на коня
Съ молитвой прыгъ и, нѣжно
Въ объавьяхъ милаго спѣсна,
Рукой обвила свѣжной.
И съ ношей конь вспорхнулъ спрѣлой,
Лешитъ, какъ соколь молодой,
Лишь пѣна съ морды бѣетъ волною,
И наръ вспаётъ спѣною.

Съ какой предъ ними быстротой
И шамъ, и здѣсь — вездѣ лешѣли
Долина, поле, боръ густой!
Какъ звонкіе мосты гремѣли!
„Калшоша, не робѣй! свѣшло!
Луной, какъ днёмъ, всё разсвѣло!
Уже ли ты боишься мертвыхъ?“
— Ахъ, нѣтъ! но что до мертвыхъ! —

Что шамъ за пѣнье, что за звонъ?
Что воронъ бѣшь крылами? —
Звонъ колокольный! мершвыхъ спонъ:
„Дружись земля съ кослями!“
И ближе похоронный ходъ,
И гробъ шолпа пѣней несѣшь;
Какъ въ блахахъ — гнусныхъ гадъ шипѣнье,
Вкругъ гроба лика пѣнье.

Въ полночь предайте плоть землѣ,
Со звономъ, пѣниемъ, мольбою:
Везу я шайности во мглѣ
Жену младую. Вслѣдъ за мною
Вы, пѣвчіе, шы, Іерей!
Воспойте брачный гимнъ скорый,
Вокругъ наоя обведише,
На одръ благословише!“

Замолкло пѣнье. Гробъ пропалъ,
И хоръ проводниковъ смущенной
Гласъ сѣдока призывный вялъ,
За нимъ помчался вслѣдъ мгновенно.
И быспрый конь, какъ вихрь, бѣжитъ,
Огонь лепишь изъ подъ копытъ,
И пѣна съ морды бѣшетъ волною,
И паръ вспаешъ спѣною.

И шамъ, и здѣсь, какъ метеоръ,
Предъ ихъ очами пропадали
Древа, долины, цѣпи горъ,
Летѣлъ сѣдокъ все даль, даль.

„Кашюша, не робѣй! свѣшло!
Луной, какъ днемъ, все разсвѣло.
Уже ли ты боишься мершвыхъ?
— Ославъ въ покоѣ мершвыхъ! —

Смотри! смотри! вокругъ плахи тамъ
Злодѣевъ пляшуть привидѣнья,
По горнимъ воздуха спезямъ,
При свѣтѣ лунномъ! — „Привидѣнья,
Сюда, сюда, вослѣдъ за мной!
На брачный пиръ, воздушный рой!
Пляши, пона, на бракъ нашемъ,
Когда на одръ мы ляжемъ.“

И вотъ толпа за сѣдокомъ
Вослѣдъ цѣпью пошлянулась съ шумомъ,
Какъ вихрь въ кустарникѣ сухомъ
Свистнншь, съ опзывнымъ окреситъ гуломъ.
И спицейъ быспрый конь лепнншь,
Лишь брызги искръ изъ подъ коннншь,
И пѣна съ морды бьетъ волною,
Лишь паръ вснаешъ снѣною.

Какъ все, что мѣсяцъ освѣцалъ,
Предъ ихъ глазами пропадало!
Какъ звѣздъ злнпой соборъ бѣжалъ!
Какъ небо въ дали исчезало!
„Кашюша, не робѣй! свѣшло!
Луной, какъ днемъ, все разсвѣло!
Уже ли ты боишься мершвыхъ!“
^хъ! да ославъ же мершвыхъ! —

„Скорѣ! пѣшель ужь поешъ —
И скоро грянешъ часъ полночный —
И въперъ упреннй вспаешъ —
И близокъ, близокъ мигъ мой срочный! —
Свершенъ, свершенъ желанный пушь!
Пора на брачный одръ заснушь!
Женихъ привезъ свою невѣсту,
Домчала спрѣлою къ мѣсну!“ —

И очутился у ворошь
Сѣдокъ желѣзныхъ, въ бѣгѣ скоромъ,
Махнулъ своимъ хлыскомъ — и вошь
Какъ не бывалъ замокъ съ запоромъ;
И напужъ съ скрыпомъ вороша,
Несется по гробамъ чеша,
И при душѣ блестящъ унылой
Могила за могилой.

Смотри! смотри! явленье пушь!
Ужаснѣйшее чудо спалось!
Одежда сѣдока, какъ прутья,
По плѣлымъ вся кускамъ распалась;
Гдѣ голова была, ногой
Тамъ черепъ гнусной и сухой;
Скелешъ, одѣтый въ саванъ бѣлой,
Съ косою спрашною — шѣло.

Забилъ копытомъ конь, всхрапѣлъ
И искры мечешъ, закружился,
И дико спрашно заревѣлъ,
И въ глубь земную провалился.

Въ Харибду ревущую кубокъ злашой.
„Еще вопрошаю: кѣно, смѣлости полный,
Безстрашно въ шумящія ринешся волны?“

И рыцари и щипоносцы ни слова,
Лишь въ грозное море безмолвно глядѣшь:
Награда драгая для смѣлыхъ гошова;
Но черныя волны и смѣлыхъ спрашашъ.
И Царь восклицаетъ опяшь: „Не рѣ-
шился
Уже ли никшо въ глубину успремиться?“

Безмолвно по прежнему все. Горделиво,
Безшрепешно вдругъ щипоносець молодой
Выходитъ изъ круга шолпы боязливой,
Бросаетъ и поясъ и плащъ предъ собой,
И окрестъ споящѣ мужи и жены
Вперяющъ на юношу взоръ изумленный.

Уже, на вершину ушеса взлещѣвши,
Взираетъ безстрашно Герой въ глубину;
Харибда, взрева, заспонавъ, закипѣвши,
Извергла пожранную ею волну,
И съ шрескомъ, какъ громъ прокашилъ да-
лёкой,
Исторглися воды изъ бездны глубокой.

И море бушуетъ, клубится, спенаетъ,
Какъ будшо бы пламень смѣшался съ волной,
И дымная пѣна до неба взлещаетъ,
Валы на валы налягающъ горой,

Глошають другъ друга, въ ужаснѣйшемъ спорѣ,
Изъ моря другое раждаешя море.

Но лющая сила смолкаешъ, раздвиглась
Уснувшая пропасть, ущеліе въ ней,
Чернѣя изъ пѣны жемчужной, раскрылось,
Безъ дна, какъ бы царства касалось пѣней,
И волны опшорглись, вскипѣли, взвилися
И съ ревомъ въ опверстную пастъ понеслися.

И вошь, не дождавшись валовъ испор-
женья,
Безспрашный судьбу небесамъ предаешъ,
И — грянуль кликъ страха окрестъ, изум-
ленья,
И — юношу скрыль уже водоворотъ.
Таинственно зѣвъ, надъ ошважнымъ умолкнуи,
Сомкнулся, какъ будто земля надъ усопшимъ.

Вселилось надъ водной равниной мол-
чанье,
Лишь ревъ въ глубинѣ раздаешя глухой,
Лишь слышишя окрестъ съ мольбой вос-
клицанье:
„Щаспливо въ пупъ добрый несися, Герой!“
И бездна сильнѣе кипишь и стенаешъ,
Пловца же опъ взоровъ еще сокрываешъ.

„Когда бы ты, въ море повергнуи корону,
Сказаль: — кто предстанешъ съ вѣнцемъ предъ
меня,

Топть будешь владыка сокровищамъ, шрону, —
Меня бь не прельстила награда швоя;
Чшо въ нѣдрахъ пучины шайшя бурливой,
Ошкрышь не возможешъ вѣкъ смершной
щаспливой! “

И чолны, порывомъ валовъ увлеченны,
Лепѣли на мрачное дно, какъ спрѣла;
Но снаспи и мачшы на верьхъ раздробленны
Кашились изъ алчной могилы жерла;
И ближе и ближе, какъ буря грохочешъ,
И громче и громче пучина клокочешъ.

И море бушуетъ, клубишя, спенаешъ,
Какъ будшо бы пламень смѣшался съ волной,
И дымная пѣна до неба взлетаешъ,
Валы на валы налягающъ горой;
Глошающъ другъ друга, въ ужаснѣйшемъ
спорѣ,
Изъ моря другое раждается море.

Но вошь лебединою вдругъ бѣлизною
Изъ пропащи мрачной, кипящей блестящъ,
Вошь свѣшлая выя, плечо надъ волною,
Прилѣжно длань сильная море браздишь;
То юноша! — Съ кубкомъ испоргнулся смѣлый
И въ щуйцѣ высоко имъ машешъ веселый.

И долго и шяжко дышалъ, и небесный
Привѣшшвовалъ онъ съ восхищеніемъ свѣшъ,
И крикъ раздавался восшорга окрешный:

„Онъ живъ! онъ явился! препонъ ему нѣшь!
Изъ гроба kloкочущей пропасти спрашной
Съ живущей душою испоргся опважный.“

Пришекъ онъ и, шумной толпой окру-
женный,
Мгновенно предъ шрономъ съ почщеніемъ палъ,
И кубокъ Царю подаешъ драгоценный.
Царь дочери милой вручаешъ фіаль;
Сверкающій нектаръ въ сосудъ наливаешъ
Она — и къ Царю шакъ пловець восклицаетъ.

„Царю лѣта многая! радуйся каждой,
Здѣсь дыщущій въ пурпурномъ свѣтѣ; но
тамъ,
Тамъ долу ужасно, въ обителѣ влажной,
И смертный, покоршвуя вышнимъ Богамъ,
Туда не спреми любопытные очи,
Гдѣ кроешся все подъ завѣсою ночи.“

„Со скоросшью молній во глубь меня
мчало,
Вдругъ капишся съ ревомъ пошокъ предо мной;
Скала изъ ущелья его извергала;
Обхваченный яросшной силой, двойной,
Носился пучиной я разсвирѣпѣлой,
Песчинкой кружило меня и вершѣло.“

„Въ семь бѣдшвіи люпомъ къ Творцу
обращился,
И Вышній упешъ мнѣ въ водахъ указаль,

Со дна выдававшийся; я ухвятился
За камень, и явной грозы избѣжалъ;
Тамъ шакже и кубокъ висѣлъ драгоцѣнный,
Опть глубли на оспрыхъ кораллахъ спасен-
ный. “

„И зѣвъ подо мною, средь ночи багровой,
Средь мрака сгущеннаго, грозно чернѣлъ;
Хошя въ немъ для слуха сонъ вѣчной, без-
молвной;
Но съ ужасомъ я, съ изумленіемъ зрѣлъ,
Какъ ящерицы, саламандры вращались
И въ кольца драконы средь пашпи свива-
лись. “

„Тамъ, въ гнусныя кучи смѣшавшимся
ужасно,
Толпились — съ иглистою песь чушуйей,
И молотъ, несносный очамъ, безобразной,
И щетинозубовъ безчисленной рой,
Акула, съ оскаленной пашпию, злая
И, пренешъ природы, гѣна морская. “

„И въ мершвомъ висѣлъ я шамъ оцѣ-
пѣненьи
Опть помощи столь опдаленно, въ глуши;
Единыя съ чувшвами груди биенье
Въ жилищѣ безчувшвенныхъ, въ спрашной
шиши,
Подъ звукомъ людскихъ разговоровъ глубоко,
Межъ грозныхъ чудовищъ морскихъ одино-
кой. “

„И я содрогался; вдруг вижу, извин-
шись
Въ изгибахъ безчисленныхъ, что-то ползешь,
Схватишь меня хочешь; я, въ спрахъ за-
бывшись,
Кораллы оставилъ, и водоворотъ
Мгновенно меня обуялъ, закрутился,
И что же? Поверхъ я валовъ очутился.“

„Умолкъ. Изумленный Героя рассказомъ,
Властитель воскликнулъ ему: кубокъ швой!
И перстень еще съ драгоценнымъ алмазомъ
Тебѣ же, когда ты пучины съдой
На дно попытаешься вновь погрузиться,
Помошь извѣспишь меня, что въ ней та-
ишься.“

Услышавши дочь сію рѣчь, въ умиленьѣ,
Родитель съ нежной слезой говоритъ:
„Ахъ! кончи жестокое увеселенье!
Что юноша сдѣлалъ, никто не свершитъ;
Но если продлишь ты желанье забаву,
То рыцарей можешь извѣдать опрагу.“

Ужъ кубокъ въ рукахъ у Царя, ужъ въ
стремленьѣ
На дно полетѣлъ онъ, валами гонимъ.
„Испоргни мнѣ кубокъ опять, въ награж-
денье
Первымъ ты рыцаремъ будешь моимъ,
И съ ней, о тебѣ сокрушенной сердечно,
Сегодня жь союзъ соединишь себя вѣчной.“

Тутъ имъ овладѣла небесная сила,
Какъ молнія, смѣлостью сверкаетъ въ очахъ,
Онъ видитъ, прекрасная взоры склонила,
Краснѣешь, блѣднѣешь, поверглася въ прахъ,
Онъ зришь — и бросаешься быспро въ пучину,
Награды алкая, на жизнь и кончину.

Вновь воды вскипающъ, предпечя вол-
нения,
Вновь въ безднѣ ударовъ гуть спрашний
ревѣшь,
Всѣ, съ полной душою желанья, спѣшенья,
Глядящъ, наклонившись, въ водоворопъ,
Во глубь и на верхъ усремляющъ воя
Спруи — ни одна не приносишь Героя.

М о л о д а я к р а с а в и ц а .

Я пѣшь хочу нещепныхъ рой
Пріяностей любви въ одной;
Прославлю, вознесу шебя,
Кшо въ чудѣ показалъ себя;
Я пѣшь хочу нещепныхъ рой
Пріяностей любви въ одной.

Кшо, будто райскій мѣръ, у ней
Воспламенилъ лазурь очей? —
Топъ, кшо повѣсилъ надъ землей
Сей сводъ блестящій, голубой,

Онъ, будто райскій мѣръ, у ней
Воспламенилъ лазурь очей.

Кшо слилъ румянецъ съ бѣлизной
Въ ланищахъ дѣвы молодой? —
Топъ, кшо зарѣ алѣшь велишь,
Лилею снѣжную расшипъ,
Онъ слилъ румянецъ съ бѣлизной
Въ ланищахъ дѣвы молодой.

Кшо шакъ уста ей округлилъ,
Въ нихъ аромашъ и сладоспъ влилъ? —
Топъ, вишню кшо и нѣдра сливъ
Румянишь, нектаромъ наливъ,
Онъ шакъ уста ей округлилъ,
Въ нихъ аромашъ и сладоспъ влилъ.

Кшо вишься русымъ волосамъ
Велѣлъ у милой по плечамъ? —
Топъ, кшо дыханьемъ вѣперка
Волнуешь классъ златой слегка,
Онъ вишься русымъ волосамъ
Велѣлъ у милой по плечамъ.

Кшо звуки сладоспные ей
Для пѣнья даль и для рѣчей? —
Топъ, чымъ велѣнемъ соловей
Поешъ свирѣлей всѣхъ нѣжныхъ,
Онъ звуки сладоспные ей
Для пѣнья даль и для рѣчей.

Вдохну — и легче мнѣ!
Со вздохомъ скука оплешаешь
И радость душу освѣжаешь,
И я какъ въ сладкомъ снѣ;
Вдохну — и легче мнѣ!

* * *

О вздохъ, добра въ душѣ безцѣнный пробу-
дишь,
О милый вздохъ, тебя пою!
Когда, открывъ судьбу свою,
Спрадалецъ, нищеты служилъ,
Вдохнешь — и я въ слезахъ!
Головъ съ несчастнымъ симъ кру-
шишься,
Головъ послѣднимъ подѣлишься,
Съ нимъ мучишься въ бѣдахъ;
Вдохнешь — и я въ слезахъ!

* * *

О вздохъ, пріятнѣйшихъ надеждъ виновныхъ
милый,
О сладкой вздохъ, тебя пою!
Когда на Лилу взоръ вперю,
И, взглядомъ ошвѣчая, Лила
Вдохнешь — въ воспоргъ я!
Мечшаю, что любимъ ужь ею,
Опъ радости весь цѣпеню,
Не помню самъ себя,
Вдохнешь — въ воспоргъ я!

К ъ С о л о в ъ ю .

Куда, дружокъ мой легкокрылой,
Расправивъ крылушки, летишь?
Иль у меня шебъ не мило?
Или и ты меня бѣжишь?

* * *

Измѣнникъ, яль тебя не тѣшилъ?
Не наглядѣлся на тебя,
Ласкаль, берегъ, какъ сына, нѣжилъ,
Любилъ, какъ самаго себя.

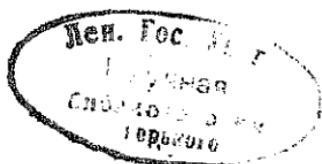
* * *

Не запираль ни разу въ клѣшку,
Я зналь, жишь въ узахъ каково,
Пускаль тебя на лугъ, на вѣшку,
Не ждалъ обмана швоего.

* * *

Раскаешься, цѣвецъ жестокой!
Ахъ! возвратишься Но ты въ лѣсъ
Ужь залетѣль, пшенець, далеко
И далѣ все и вонь исчезъ.

К о н е ц ъ .

СПбГУ

С176Гу

СП6ГУ